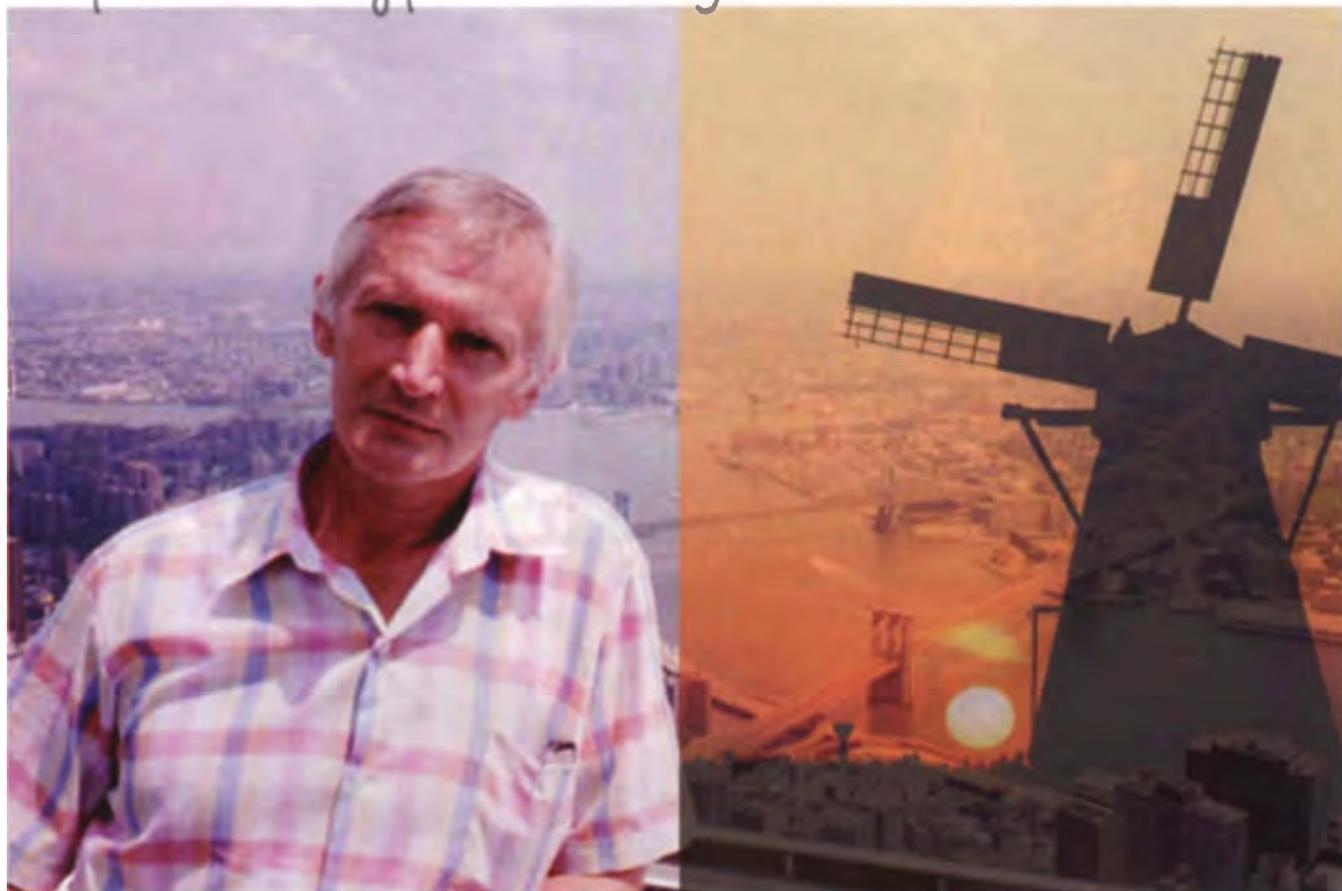

Архитектура — жизнь моя

Сергачев Сергей Алексеевич — доктор архитектуры, заведующий кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий» Белорусского национального технического университета.

Исследует историю архитектуры Беларуси, проблемы сохранения историко-культурного наследия, развития традиций в современной архитектуре. Опубликовал в отечественных и зарубежных научных журналах, сборниках, энциклопедиях более 400 работ по данным проблемам. Один из создателей Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта в Минском районе (1977–1983), Музейного комплекса старинных народных ремесел и технологий «Дудutki» в Пуховичском районе (1992–1997). Под его научным руководством перевезены и отреставрированы свирани в экспозиционной зоне «Млын» Государственного историко-культурного заповедника «Заславль», ветряные мельницы в музейном комплексе «Дудutki», в «Фермерском хозяйстве В.И. Быховцева» в Светлогорском районе. Автор объектов нового строительства, среди них Учебно-образовательный центр Федерации горнолыжного спорта и сноуборда Республики Беларусь в Минске (2006).

Монография «Белорусское народное зодчество» на XXXIII Республиканском конкурсе «Искусство книги-93» отмечена как лучшее издание года Дипломом 1-й степени. Публикации 2003–2005 гг. отмечены Белорусским союзом архитекторов дипломом как «Лучший цикл работ по единой системе» на VI Национальном фестивале архитектуры (Минск, 2005).

С Сергеем Алексеевичем встретилась наш корреспондент Мария Трошко.

М.: Сергей Алексеевич, Вы преподаватель, а у каждого преподавателя свой подход и методики работы со студентами. Расскажите об этом.

С. А.: В работе со студентами придерживаюсь принципа, допуская, что кому-нибудь он может показаться спорным: «В ВУЗе научить невозможно, но научиться — можно». Считаю очень важным создание атмосферы корпоративности, воспитание чувства принадлежности к великому общему делу, когда нет слишком жесткой грани во взаимоотношениях между студентами и преподавателями.

В архитектурном образовании выше всего ставлю его художественные аспекты. Это, к сожалению, как-то оттирается сегодня в учебном процессе в сторону иными взглядами на такой основополагающий предмет, как рисунок, а также некоторыми предметами, значение которых, на мой взгляд, преувеличено. Да и основная дисциплина — архитектурное проектирование — проходит в «потогонном» режиме. Студенту успеваем лишь сообщить, что в архитектуре есть такая-то проблема или такая-то стандартная ситуация, например, архитектура жилища. Но углубленно познакомиться с ними разрешить, да при этом проявить еще и свои творческие устремления студентам просто не хватает времени, так как на каждый курсовой проект отводится менее двух месяцев.

М.: А ведь когда-то Вы сами были студентом. Где проходили Ваши студенческие годы?

С. А.: Учился я в БПИ, теперешний БНТУ. Среди своих учителей искусству архитектуры выделяю Маклецову Наталью Николаевну, Мусинского Сергея Степановича, Елисеева Игоря Константиновича. Наталья Николаевна на каждую лекцию по истории архитектуры приносила тяжеленные сумки книг, иллюстрации из которых через огромный эпидиаскоп проецировались на стену. Никаких компьютеров, даже слайдов тогда не было. Мы всегда ощущали ее подготовленность конкретно к данной лекции. Не было ничего упрощенного, сделанному как бы по уже накатанному. А попробовал бы кто-нибудь пропустить хотя бы одно занятие по проектированию: застыдила бы донельзя. Очень повезло, и это касается не только меня, а и целого поколения студентов-архитекторов БПИ, что им толковал основы философии и эстетики Вячеслав Семенович Степин. Сейчас, уже лет, наверное, семнадцать он — директор института философии Российской академии наук в Москве. А тогда — рядовой доцент, который позволял себе не придерживаться господствовавших догм, и во многом умению получать информацию, читая между строк утвержденных учебник, мы учились у него.

М.: Вам, Сергей Алексеевич, как заведующему кафедрой, видны все плюсы и минусы учебного процесса. Возможно, Вам, как преподавателю с опытом, хотелось бы внести изменения в организацию работы?

С. А.: Учебный процесс хотелось бы устроить таким образом, чтобы как можно более приблизить его к той деятельности, которая ожидает студента. Абсолютно выпадает из учебного процесса такая стадия проектного дела, как рабочее проектирование. А ведь именно это на 99 % ждет вы-

пускника. Да я сам помню, как в «Минскпроекте» мне вдруг дают задание выполнить спецификации вентиляционных решеток, антресолей, витражей по объекту, над которым работал. И действительно, все это индивидуальное, типовые решения не подходят. Но для меня это была суперновость, я к ней был не готов, пришлось идти в архив, поднимать проекты, смотреть, как это делали люди до меня. Я справился, но то неприятное ощущение своего несоответствия помню до сих пор, так как вдруг ощутил себя несостоятельным. А жил в ощущении, что все у меня хорошо.

Но это застарелая болезнь высшего архитектурного образования. Порой ссылаются на то, что, дескать, университетское образование должно формировать прежде всего широту взглядов и способности усваивать информацию. Приводят даже слова лидера архитектурного процесса 1940-х гг. И. Жолтовского о том, что преподаватели должны научить студента шить фрак, а мешки он и сам научится шить. Но, к сожалению, сегодня жизнь такова, что свежему выпускнику фрак шить не очень-то доверяют, он больше вынужден заниматься рутинной работой. Именно она обеспечивает заработок и вот тут бы проявить свою способность легко эту рутинную работу, то есть шить мешков, выполнять. А это не всегда получается, оказывается надо время на доучивание, а кто его сегодня предоставит.

У нас прежде было одно задание на 4-м курсе, в котором студенты выполняли небольшой фрагмент плана своего проекта, но со всеми атрибутами рабочего чертежа: оси, привязки, цепочки, маркировка заполнения проемов, подсчет площадей и спецификации помещений и т. д. И этого недостаточно, но впоследствии и это задание убрали под флагом заботы о студенте, чтобы ему было легче. А я видел, что студентам работа над этим заданием нравилась, так как они понимали его полезность. Поэтому пока остается одно — советовать студенту как можно раньше, еще в процессе учебы, начинать работать по специальности.

Хотелось бы из учебного процесса что-то убрать, что-то поджать для того, чтобы освободить время студента для освоения нужных им навыков. Есть дисциплины, которые излишне растянуты на весь семестр, хотя, на мой взгляд, достаточно было бы 3–4 лекций, чтобы студент понял, что есть такие-то проблемы в архитектуре, но и есть пути их решения. К сожалению, учебные программы порой формируются исходя из личных интересов и возможностей отдельных преподавателей. А что касается основ компьютерной подготовки, то, по словам самих же студентов, они их осваивают по настоящему где-то на стороне, но никак не в университете.

М.: Действительно ли парни быстрее и лучше осваивают архитектурную профессию, нежели девушки?

С. А.: Это, на мой взгляд, предвзятое суждение. Я всегда досаую, когда даже хорошо знакомые архитекторы просят помочь подобрать для них наиболее подготовленного студента, при этом студент должен быть обязательно мужского пола. А весь опыт моей работы в проектных организациях говорит о том, что более надежного, усидчивого и некапризного исполнителя, а ведь речь идет в основном об исполнительской работе (дескать «идеи мы и сами накидаем»), это всегда женщины. Тем более что девочки, которые учатся у нас, старательны, они чаще выполняют учебные задания в срок, что сегодня чрезвычайно важно. Да и необходимыми программами они владеют не хуже мальчишек.

М.: Сергей Алексеевич, какие наиболее яркие воспоминания остались у Вас со времен школьной скамьи?

С. А.: У нас в 10-й школе Минска был прекрасный учитель математики Геннадий Зиновьевич Энгельсон. В 6-м классе все шло очень с большим напряжением, потом сложно было и с алгеброй. Но когда пришла очередь геометрии и тригонометрии, стало намного легче. Наверное, мир простых голых цифр, при всем великолепии его закономерностей — одни ряды Фибоначчи чего стоят, мне неинтересен. Но вот если есть возможность соединить цифровую или модульную закономерность с пространством или с какими-то функциональными процессами, которые следует организовать в каком-то пространстве, — это меня занимает.

Когда надо было, Геннадий Зиновьевич сумел меня заставить, однажды я даже подзатыльник заработал за плохо выполненную контрольную. Но и я понял, что это у него получилось от досады за меня. И помню его изменившееся в лучшую сторону отношение ко мне в одиннадцатом классе, когда с помощью тригонометрии я почувствовал себя значительно увереннее в математике. Хотя тогда я уже чувствовал на горизонте вступительную кампанию в институт, и там математика была остро необходима. Но наверно, и учитель увидел, что в нужный момент были найдены нужные средства. Очевидно, ВУЗ отличается от школы тем, что в ВУЗе принудительные методы бесполезны.

М.: В юности Вы посещали какие-либо кружки или секции?

С. А.: Изостудию Дворца пионеров. До сих пор вспоминаю Сергея Петровича Каткова. Его с благодарностью помнят все, кто приходил общаться к искусству в изостудию Дворца пионеров, который тогда был на улице Карла Маркса. Его педагогические приемы были великолепны. Его умение поддерживать в детях увлеченность, интерес к творчеству просто неповторимо. Я до сих пор помню, когда сидишь за очередным рисунком,

а параллельно идет рассказ о том, как Сергей Петрович строит дом, как ему вчера привезли какие-то доски. Мы все знали, что сегодня утром он уже успел поспорить со строителями по поводу крыши и т. д. Казалось бы, это не имеет никакого отношения к обучению, допустим рисованию. Но мы тогда все жили одними интересами, одной семьей. И это многого стоит. А что было, когда открываешь дверь иходишь в студию, его радостное сообщение о том, что твой рисунок повезли на выставку, аж в Финляндию. Теперь понимаешь, что неизвестно, была ли эта Финляндия, твой ли это был рисунок. Но тогда тебя сразу же обуревало невероятное желание создать что-то настолько особенное, чтобы весь мир только охал и ахал. Тем более я помню, когда Сереже Журавлеву вручали огромную серебряную медаль за акварель, демонстрировавшуюся на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. Такие медали от Беларуси получили только он и заслуженный скульптор Заур Азгур. Но самое важное то, как Сережа делал эту потрясающую акварель, — река, мост и поезд с огромным шлейфом дыма из паровозной трубы.

Благодарен учебе в Детской художественной школе. Она открылась в 1958 г., это был первый набор, держал непростые вступительные экзамены. Преподаватели были очень хорошие, но меня перспектива стать художником все же как-то не интересовала. Возможно, больше привлекало желание что-то систематизировать, упорядочивать, что художникам, по большому счету, даже вредно. Где-то лежит свидетельство об окончании школы, там, правда, много троек. Но ведь все же я не бросил учебу, как это происходило с некоторыми поступившими туда, многое с удовольствием там узнал и попробовал, например, работу с глиной, что преподавал нам известный впоследствии скульптор Владимир Летун. Хорошо помню лекции по истории искусств, которые нам читала дочь одного из ведущих в то время графиков республики Льва Лейтмана. Школа размещалась с задней стороны Театра оперы и балета, где тогда на третьем этаже находилось Художественное училище. Полезным было все: общение с учащимися училища, возможность видеть их работы на стенах коридоров и многое другое.

Музейный комплекс старинных народных ремесел и технологий «Дудутки». Меня здесь занимали не столько проблемы архитектуры отдельных сооружений, сколько стремление к созданию особенной среды, в которой можно говорить о культуре, о традициях народа, и не только говорить, но и становиться участником каких-то событий и праздников.

- Подготовка к празднику
- Старинный транспорт
- Кузница
- На одном из концертов
- Гулянье у костра на поляне

М.: Кого Вы считаете своими учителями?

С. А.: Очень благодарен своим учителям искусству архитектуры. Во многом благодарен за то, что не только азы профессии старались нам преподавать, но учили и особому отношению к людям, которые занимаются архитектурой. Те очень доверительные взаимоотношения, которые были между студентами и преподавателями, я очень ценю до сих пор. А наш выпуск архитекторов 1969 года, я считаю, был очень сильным. К сожалению, нет уже многих из наших ребят — Леши Петербуржцева, Руслана Белогорцева, Юры Марухина, Славы Ангелова, Юры Якимовича. В «Минскпроекте» моими учителями были Погорелов Лев Николаевич, Гуль Анатолий Михайлович, Станислав Замараев. С удовольствием ходил на технические советы института, которые вел Н. А. Шпигельман, с большим интересом слушал виртуозное владение словом известных мастеров архитектуры, особенно Георгия Васильевича Сысоева, Сергея Борисовича Ботковского, Сергея Степановича Мусинского. А со Стасиком Федченко у нас столы стояли рядом, дружим по-прежнему. Очень помогает мне в работе коллектив кафедры «Архитектура жилых и общественных зданий» в БНТУ. Все они — Аладов Вальмен Николаевич, Реутская Ирина Павловна, Лазовская Наталья Александровна, Чернатов Вячеслав Михайлович, Гаврикова Галина Михайловна, Рак Татьяна Александровна, да и все, с кем я сейчас работаю, — прекрасные специалисты. Они преданы своему делу, готовы, если чувствуют искреннее желание студента получить знания, работать вовсе не за зарплату, не обращая внимания на потраченное время. Особо я признателен архитекторам, которые, продолжая творить в архитектуре, находят время и для участия в работе нашей кафедры, — Градов Юрий Михайлович, Карако Виктор Иванович, Рондель Валерий Раулевич, Бичан Юрий Васильевич. Здесь же назову и уже упоминавшегося Станислава Ивановича Федченко.

М.: Сергей Алексеевич, расскажите, пожалуйста, как началась Ваша профессиональная деятельность?

С. А.: Я очень рад, что мне довелось работать в замечательных коллективах. Это и «Минскпроект», его КМ-2 под руководством Льва Николаевича Погорелова, в которой я начал работать еще будучи студентом 4-го курса. И доучивали меня тогда Гуль, Замараев, Федченко, Сопьяник, Кракалев.

И все складывалось очень даже успешно, были хорошие объекты, в которых уже ходил и в авторах, — один дом на Танковой чего стоил, тот, который прозвали «Китайская стена». Но уж больно манило неведомое. А 1960-е годы как раз ориентировали общество, да и молодежь на эксперименты. Одно строительство коммунистического общества чего стоило, а в нем наука должна была определять многое.

Архитектура — профессия, основанная на творчестве, но конечный результат все же просматривается в виде здания, которое должно быть создано в соответствии с заданием. А в научной деятельности этот результат не столь очевиден. Возможно, именно это и предопределило направленность моей дальнейшей работы в архитектуре.

Это и рабочая группа по созданию Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта, хотелось бы, чтобы тот энтузиазм, который охватывал нас и заставлял работать, не оглядываясь на рамки рабочего времени, сохранялся как можно дольше.

В институте «БелНИИгипросельстрой» директором был Владимир Эдуардович Соколовский, а мне довелось быть его заместителем по научной работе. Я до этого повидал организации, где руководство вынуждено было собираться каждый вечер, чтобы чуть ли не допоздна решать вопрос о том, как бы это более или менее удачно начать завтрашний день. А Владимир Эдуардович таким образом организовывал работу, что планерки не собирались, порой, по три недели. Институт представлял собой четко отлаженный механизм, все показатели были на высшем уровне,

Здание учебно-спортивного центра Федерации горнолыжного спорта и сноуборда Республики Беларусь «Альпийский снег» в Минске. Проектная организация УП «АрхКомплекс-Проект», 2006 г.

и, соответственно, все первые места во Всесоюзных соревнованиях ему были предопределены чуть ли не заранее.

Ну а сейчас мне доверили руководить очень хорошей кафедрой. Я придерживаюсь принципа, что каждый должен быть директором на своем месте. Это позволяет человеку чувствовать себя уверенно, проявлять инициативу, а не действовать в рамках должностных обязанностей, что, кстати, встречается в бюджетных организациях, но, по моему мнению, самоуничтожительно. Сложность работы в небольших коллективах, на мой взгляд, заключается в том, что здесь все друг о друге все знают, радости и печали всегда общие. И именно это позволяет мобилизовать при необходимости силы, снимать возникающие напряжения. Поэтому в каждом сотруднике кафедры я всегда чувствую помощника, причем высококвалифицированного. И, заведя кафедрой уже двенадцатый год, я хорошо понимаю, что во многих вопросах чему-то преподаватели и лаборанты кафедры научат меня, а не я их.

М.: Я знаю, что у Вас большое количество публикаций. Это так?

С. А.: Да, действительно, мной опубликовано множество различных статей, книг, брошюр. Стараюсь не приписываться к тому, что кто-то уже сделал, что, к сожалению, иногда бывает в науке и творчестве. Подготавливая публикацию, стремлюсь почувствовать интересы того читателя, которому она предназначена. Поэтому публикации стараюсь сделать содержательными, обязательно донести до читателя какую-то новую информацию и, самое важное, постараться сделать так, чтобы эти новые знания будили фантазию, формировали некие ассоциации и образы, действовали прежде всего творчеству.

Очень ценю сотрудничество с издательством «Белорусская энциклопедия», хотя это очень хлопотно в наше время. Многие ученые считают публикуемые там материалы малозначимыми. Но, во-первых, это очень

важная для науки возможность установления связей с обществом, вплоть до, образно говоря, вербовки новых сторонников из числа молодых людей, еще только выбирающих направление жизненного пути. А, во-вторых, о многих статьях, опубликованных в самых серьезных научных сборниках, даже сами их авторы забывают через пару месяцев. А энциклопедические издания будут служить людям по 30–40, а то и более лет.

М.: За долгую профессиональную деятельность Вы внесли весомый вклад в формирование архитектурно-исторического наследия Беларуси. Расскажите об этом подробнее.

С. А.: Может показаться странным, но я горжусь тем, что имели место некоторые положительные, знаковые события, хотя моя фамилия при этом и не упоминается. Например, когда Владимир Александрович Чантурия готовил к публикации первое издание «Истории архитектуры Белоруссии», я, тогда еще студент 4-го курса, прознав об этом, принес некоторые фотографии, посчитав, что эти сооружения могут достойно проиллюстрировать особенности нашей архитектуры. И они попали в книгу, чем я горжусь и сегодня. А в Белорусском государственном музее народной архитектуры стоят объекты, которые нашел именно я. Причем не в составе экспедиции, то есть коллективно. Пройдя многие десятки и даже сотни километров, осмотрев и проанализировав десятки тысяч строений, поняв их суть, определив их значимость для культуры народа, понимал, что передо мной не только интересный объект материальной культуры, но прежде всего именно произведение искусства.

М.: Сергей Алексеевич, в создании каких объектов Вы принимали участие?

С. А.: Что касается построенных объектов, то в большей степени они результат в какой-то мере разрешения экстремальных ситуаций, когда что-то уже кем-то начато, а что и как делать дальше или непонятно, или не

«Розетка» — учебная работа на первом курсе. Отмывка китайской тушью, декабрь 1964 г. Уцелела среди методического материала. Руководители — Маклецова Н.Н., Волчек В.М., Мусинский С.С., Маклецова М.В.

устраивает заказчика. Так было с «Дудутками», где, когда я туда был приглашен в 1992 г., уже стоял свинарник, достраивался коровник, да и коров было уже приобретено более полутора сотен, имелись комбайны, трактора и другая сельхозтехника. Это было вполне естественно, так как задумывалось создание небольшого сельхозпредприятия, которое привлечет к себе внимание общественности. Но совместно с хозяевами — фирмой «Полифакт» (а они к тому времени и сами уже начали понимать, что процесс развивается не в том направлении) была резко изменена программа и в результате получился Музейный комплекс старинных народных ремесел и технологий «Дудutki», в котором планируются и проводятся самые разнообразные акции культурологического направления. В этом году, после достаточно большого перерыва я там побывал и был приятно удивлен потоком посетителей, которым этот объект интересен.

Важно то, что этот музейный комплекс не требует дотаций, денежных вливаний, наоборот, сам выплачивает налоги в бюджет, одним словом, эта экспозиционная среда самодостаточна. А ведь для культурно-просветительных учреждений страны сейчас основная проблема — где найти средства, как их заработать? С моей точки зрения, зарабатывать можно не только экспонированием предметов историко-культурного наследия, многие из которых действительно уникальны, но и архитектурой среды, которая может быть сформирована для их демонстрации. А ведь в «Дудутках» исходным моментом к новым решениям стали воспоминания об истории этого места, легендарные, почти мифологические сведения о 12-м веке, о некогда известном, проживавшем рядом, за рекой, роде Ельских, представители которого смогли в 18–19-х вв. в отличие от представителей множества других помещичьих фамилий внести заметный вклад в развитие белорусской и европейской культуры. Конечно же, учитывалась привлекательность природы нашей Беларуси. И хотя многое в «Дудутках» сделано не совсем так, как, допустим, мне бы хотелось, и не все задуманное реализовано, с удовлетворением отмечаю, что сегодня посетители именно там находят ответы на вопросы, которые их волнуют.

Во многом похожа история архитектуры здания Учебного центра Федерации горнолыжного спорта и сноуборда Беларуси «Альпийский снег» в Курасовщине в Минске. Заказчик уже имел несколько готовых проектных решений, но ни одно из них его не устраивало. На мой взгляд, архитекторы (я знаком с их творчеством, знаю, что это высокопрофессиональные специалисты) не смогли удержаться от соблазна продемонстрировать свой талант и запечатлеть в данном объекте именно себя. Хотя само название, а оно у заказчика уже было готово — «Альпийский снег», говорит о многом. Но поскольку все происходит в Беларуси, то нужны были какие-то свои решения, местные, в частности, сочетание каменных конструкций и дерева, безусловно, скатные крыши, соблюдение камерности в масштабности и др. И вместе с УП «АрхКомплексПроект» нам удалось все это сделать. И объект сегодня востребован, хотя хотелось бы зимой иметь побольше снега.

М.: В чем, на Ваш взгляд, состоит парадокс современной архитектурной практики?

С. А.: Очень хотелось бы, чтобы у архитекторов сохранялось уважение к историко-культурному наследию, творчеству прошедших поколений. В этом вижу возможность любого архитектора продемонстрировать свою причастность к всеобщему, даже мировому архитектурному процессу. А когда встречаю неуважительное отношение к контексту среды, в которой строится что-то новое, меня это все же озадачивает, хотя понимаю неизбежность эволюционных процессов.

Парадокс современной архитектурной практики состоит в том, что глобализация экономических, информационно-технологических процессов, в том числе и в сфере формирования среды жизнедеятельности, неизбежно сталкивается с анализом опыта архитектурного творчества, которое все больше ориентируется на осознание, поддержание и развитие местных особенностей и характеристик. Пространство для жизни

из среды, в которой господствуют функциональные основы, все более превращается в пространство, формирующееся на основе выявления потенциальных, скрытых или забытых значений. В этом смысле основы историко-культурного наследия, в том числе и народной архитектуры, в которой всегда была гармония между самой средой и процессами ее формирования, являются одним из резервов толкования архитектуры как средства, обеспечивающего оптимальное сочетание глобального и повседневного в жизни совершенно конкретного человека, живущего в конкретном месте.

Поэтому происходящие в настоящее время изменения творческого метода архитектора следует ориентировать и на поиск генетических нитей, идущих в современность из глубин истории архитектуры. В связи с этим архитектор уже не может ограничиваться только ссылками на исторические прототипы или существующий контекст сложившейся архитектурной среды.

М.: Современный архитектурный процесс весьма многогранен и постоянно меняется. Как Вы относитесь к новшествам в этой области?

С. А.: В современном архитектурном процессе мне нравится почти все — и новые технологии и материалы, и разные заказчики, а не только государство и т. д. Причины сильных различий стилевой направленности мне тоже понятны, так как слишком долго архитекторы работали в излишне жестких рамках. Но надо признать, эти рамки очень высоко поднимали уровень требовательности, в том числе и самого автора к самому себе. Поэтому хорошо понимая все, связанное с постмодернизмом, хай-теком и т. д., тем не менее часто замечаю в уже построенном здании результаты поспешности и легковесности решений, заложенные еще на стадии проектирования.

Последнее время меня занимает проблема, которая имеет отноше-

ние, с одной стороны, к творческому процессу, а с другой — и к сохранению творчества предшествовавших поколений.

М.: У Вас есть какие-то предложения по решению этой проблемы?

С. А.: Желательно, чтобы мастера современной архитектуры все же чувствовали ту среду, куда они приходят со своими, как им кажется, замечательными предложениями и проектами.

Людей творческого плана все же заботит, что останется после них. А у архитектора есть величайшая возможность продлить свое существование на земле благодаря построенным им зданиям. Прошли века, сменились поколения, изменилось общественное устройство, а здания продолжают активно жить и порой очень даже эмоционально общаться с людьми, живущими сегодня. А в литературе или в архивах остались запечатленными фамилии и имена их авторов.

Именно поэтому, возможно, настала пора и нам в Беларуси заняться созданием своеобразного рейтинга архитекторов, работавших в Беларуси. Так уже давно поступили в сфере антиквариата, где составлены рейтинги, позволяющие определить значимость того или иного объекта в зависимости от известности его автора.

Ведь в Беларуси в 10–20-х вв. работали очень даже известные архитекторы. И если обратиться к тем же сферам антиквариата, то «мастер мирового значения» — это один уровень, «мастер высокого профессионального уровня, востребованный заказчиком и пользующийся авторитетом власти» — это другое, «мастер-профессионал высокого уровня с индивидуальной творческой манерой» — это, естественно, тоже что-то иное и т. д.

Период современной архитектуры длится уже более века, не говоря уже о временах отдаленных. Такая оценка как «архитектор мирового значения, проверенный временем (не менее 1 века)» вполне могла быть

Общинный амбар (единственный из сохранившихся) первой половины 19 в. из деревне Косаричи Глусского района.

Одна из наиболее важных моих находок старой архитектуры. Когда-то в нем крестьяне хранили общий, на случай беды, запас продовольствия, эти сооружения и называли своеобразно — «магазин». Но местные жители обо всем этом уже давно забыли. Мне же надо было по некоторым странностям внешнего облика понять, что я нашел уникальное сооружение, о котором читал только в архивных документах. Сооружение потом было перевезено в Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта. Те же самые ощущения первооткрывателя я испытал, когда находил уцелевшие здания корчмы — в Ошмянах, Вороновском районе, Шучинском районе. Слово «корчма» всем известно, но там никто не знал, что у них на улице стоит здание, которое было лет 120–150 тому назад корчмой.

применена и в Беларуси. Соответственно, по иному и мы смогли бы оценить возведенные сооружения. Возможно, меньше было бы и страстей по поводу сноса, перестроек или неуважительного отношения к произведениям архитектуры. С другой стороны, мы бы и сами лучше поняли, что же имеем сегодня на улицах наших городов или в парках старинных усадеб.

Помогло бы это и инвесторам иметь более точную информацию о том, что именно они собираются сносить или радикально перестраивать, или, наоборот, максимально сохранять, делая доставшуюся именно им архитектуру маркой своей фирмы.

Но эта проблема имеет и другую сторону. Возможно, работающему сегодня архитектору это поможет понять, что при его поспешности при принятии решений творческой направленности, при собственных заниженных к себе требованиях или, наоборот, завышенном самомнении он рискует так и остаться, например, только «профессиональным архитектором с творческим потенциалом». Хотя это, по-моему, тоже очень даже неплохо.

Я нигде еще не высказывался на эту тему. Кому-то может, вообще, эта идея показаться и ненужной, и не ко времени. Тем более в условиях того надвигающегося кризиса, о котором сейчас так много говорят. Но я уверен, что придет время, и потребность в разработке этой идеи применительно к Беларуси появится. Дело в том, что в Беларуси уже давно прошло время приезжих мастеров, и своя архитектурная школа здесь сложилась, и построено немало, хотя не всегда количество, к сожалению, перерастает в качество.

М.: Вы исследуете историю архитектуры Беларуси, проблемы сохранения историко-культурного наследия. Почему именно эта тематика Вас увлекает?

С. А.: На мой взгляд, актуальной становится потребность в изучении опыта белорусского народного зодчества с целью выявления и использо-

вания строительных традиций, эстетических идей и архитектурных форм. Именно в народном зодчестве существовала целостная система профессиональных приемов формирования среды, основанная на духовных ценностях и жизненных потребностях. Изучение приемов, с помощью которых народные мастера добивались неординарности и высокой художественной выразительности своих произведений, может позволить проектировщикам найти дополнительные резервы в принятии оптимальных решений. Именно это и было целью моей диссертации. Особенно актуален учет отмеченных аспектов на данном историческом этапе, когда белорусское общество стремится осмыслить многовековой путь своего развития, отыскать первоосновы многих явлений действительности.

М.: Вы любите путешествовать? Беларусь полна прекрасными уголками природы, самобытностью культуры и традиций. Вы со мной согласны?

С. А.: Путешествовать я, несомненно, люблю. И в последние годы ограничиваю себя именно Беларусью. И уже много видел, многое знаю, но и сегодня практически в любой деревне найду что-то новое, особенное, того, чего нет у других. Хотя, признаюсь, какое-то время жил в ощущении, что все мне уже известно, любое новое явление встраивалось в систему моих представлений о Мире и не удивляло. Любому факту с легкостью находил место в созданных мной же типологических рядах. И трудно сказать, с помощью чего мне удалось преодолеть свои заблуждения. Возможно, произошло восстановление того утраченного чувства гордости за страну и за народ, потерю которого, признаюсь, ощутил после развала всего того, во что мы когда-то свято верили. Скорее всего, помогли созидательные начала, которые все более характерны обществу современной Беларуси, невероятная активность архитектурно-строительного процесса, содействовавшие тому, что чувство гордости за страну и даже патриотизма становятся не просто дежурными словами.

Мельница второй половины 19 в. в деревне Ляды Жлобинского района до восстановительных работ

Супруга Галина Александровна и инициатор спасения мельницы фермер Владимир Иванович Быховцев

Из работ последних лет я бы отметил все, что было связано с переносом и реставрацией старой ветряной мельницы в Светлогорском районе. Основной груз как финансовых, так и нервных затрат выдержал местный фермер

Владимир Иванович Быховцев. Благодаря ему наша страна получила еще один уникальный уголок. А мы с Галиной Александровной лишь помогли.

Так мельница выглядит сейчас на «Николином хуторе» около поселка Мольча Светлогорского района, после переноса и реставрации. 2007 г.

Из последних своих поездок, а мы частенько ездим вдвоем с супругой — она тоже архитектор, помнится поездка в Жабинковский район, там уцелела уникальная церковь 16-го века. В Слониме тогда же повидали отца Александра, с которым всегда приятно встречаться и разговаривать на любые темы — от законов мироздания и вопросов истории до особенностей геологии, как всеобщей, так и местной. В одной из деревень Логойского района в июле оказались около только что установленного бюста в память императора Николая II. А в Россонском районе побывали на месте знаменитой битвы 1812 года в Клястицах и в родных местах одного из родоначальников новой белорусской и польской литературы Яна Борщевского, в деревне Мураги, где когда-то стоял усадебный дом Борщевских.

М.: Вы действительно знаете толк в туризме Беларуси!

С. А.: Развитая дорожная сеть делает легко доступной практически любую местность Беларуси. Да и без этого сферы интересов любителей путешествовать все более расширяются. Однако все же недостает информации об объектах, которые могут стать привлекательными для приезжих. Недавно был издан очередной путеводитель по архитектурным достопримечательностям Беларуси. Но и в нем присутствует ощущение некой братской могилы, все свалено в кучу, акценты никак не расставлены. Попробуй туристу, который попал в Беларусь или в какой-то наш город на несколько дней, понять, что в первую очередь или в обязательном порядке он должен увидеть. Это всегда и везде указывается. Ну что стоило прямо, да еще крупными буквами указать, что костел Божьего тела в Несвиже — это не просто «памятник раннего барокко», а первое здание в стиле барокко, возведенное в конце 16-го в. в Польше, Беларуси, Литве, России, Украине. Фактически, это первое оштукатуренное здание на этих обширных территориях, что значительно повышает его значимость. Есть немало и других интересных объектов, но и о них информации недостаточно. Например, в Великой Свороте Барановичского района сохранился уникальный храм

(сейчас идет восстановление этого здания) — треугольная в плане церковь, построенная в 1823 г., имевшая в 18-м в. предшественницу — деревянную церковь, причем тоже треугольного плана. Такая особенность придает архитектуре этой церкви уникальность европейского уровня. А кто об этом знает?

М.: Тут Вы несомненно правы!

С. А.: Но это полбеды. К сожалению, памятники архитектуры еще не стали пониматься как объекты специфических экспозиций. Да, они расположены в активно используемом пространстве, в окружении других зданий, под воздействием солнца и атмосферных осадков и т. д., но ведь мы приглашаем их осмотреть. И дело не просто в отремонтированных крышах, покрашенных фасадах и застекленных окнах. К памятнику должен быть обеспечен подъезд и подходы, около него — места отдыха и стоянки автотранспорта. Даже такой фактор, как желание туристов сфотографироваться на фоне памятника архитектуры, к которому он приехал за тридевять земель, тоже должно обязательно учитываться. Для этого специально раскрываются панорамы и сектора обзора, готовятся видовые точки. Но об этом пока думают мало. Нередко памятник просто невозможно сфотографировать из-за случайно поставленных столбов электропередач или мешающих деревьев. Нередко близко посаженные к зданиям, а то и вовсе случайно выросшие деревья закрывают от обзора наиболее важные элементы зданий, например, центральную часть фасада, снижая этим информационный и эстетический потенциал памятника архитектуры

Ну и, к сожалению, есть досадные моменты. Примером может быть восстановление после пожара Спасо-Преображенской церкви в Заславле, одного из важнейших памятников древнего города, который в свою очередь является едва ли не самым основным объектом туристической деятельности в окрестностях Минска. Памятник сохранил значение центрального объекта показа в городе, но досадная оплошность сводит на нет

Церковь 18 в. из деревни Логновичи Клецкого района.

Тоже один из найденных мной и рекомендованных для переноса в Музей памятников народной архитектуры, несмотря на то что тогда это была просто руина.

В гостях у художника Бориса Цитовича в деревне Забродье Вилейского района. С ним вместе мы участвовали в создании «Дудуток».

весь эффект. На северном фасаде при устройстве системы водоотведения крючья крепления водосточной трубы были вбиты в раскрытый от штукатурки фрагмент декоративной кладки из красного лекального кирпича 16-го в. В какой-то мере это было бы понятно, если бы данная ситуация досталась нам в наследство от времен, когда к культовой архитектуре в полной мере проявлялось отрицание и стремление поставить ее в униженное положение. Но данное решение было реализовано совсем в иные, в наши времена, когда, кроме всего прочего, в широких кругах общества проявился интерес к историческому прошлому народа.

А так получилось, что самый интересный, даже таинственно-загадочный фрагмент памятника, родственный по своим особенностям с архитектурой Мирского замка или Сынковичской церкви, из системы показа выпадает. Причем не просто выпадает, а становится демонстрацией жестокого отношения к наследию. Этим, в свою очередь, ставятся под сомнение все замечательные слова, ранее сказанные экскурсоводом или изложенные в путеводителе про значимость этого произведения архитектуры. Действительно, какая же это историко-культурная ценность? Какой же это 16-й век, если в него самым грубым образом вонзаются металлические крючья? Конечно, можно сказать, что этот фасад не очень-то просматривается, не все туристы и экскурсанты до него добираются. Но наиболее любознательные все же там бывают.

Аналогичная сентенция может быть отнесена и на счет Троицкого костела в Ишкольди Барановичского района — самого древнего костела Беларуси и одного из наиболее эффектных архитектурных акцентов страны. Сейчас значительно улучшилось его техническое состояние, благоустройство прилегающей территории. Но многое портит то, каким образом решено подключение здания к системам электроснабжения, осуществленное на главном фасаде, — ржавый крюк вбит в стену прямо над входом. Ну как можно фотографировать такой главный фасад?

Не подумайте, что я некий мерзопакостный любитель беречь раны. Нашел отдельные недостатки и ковыряюсь в них. Совсем наоборот.

Недавно проезжал через Ивенец и порадовался и за городок в целом, и за местный барочный костел, из которого убрали какой-то цех. У них уже многое почти в порядке, надо только не останавливаться на сделанном.

Как новое явление в нашей культуре воспринимаю агрогородки и вижу интерес к ним и со стороны приезжих, и со стороны местных жителей. И как объекты показа нашей современной жизни они вполне реалистичны.

М.: А приходилось ли Вам бывать в зарубежных странах? Расскажите об этом.

С. А.: Пребывания за границей, считаю, были для меня очень удачными, потому что побывал в интересных местах. Неудачным было разве что пребывание в Венгрии. Это была конференция в 1982 г., очень строгое расписание, ни шага в сторону, много докладов, в том числе и мой. Но все же были переезды, так как конференция проходила поочередно в шести музеях. Повидать страну удалось только через окно автобуса, но и это было в те годы великая удача.

А так можете себе представить — в Ливане прожить три недели на берегу Средиземного моря: сплав цивилизации и Востока, много рисовал. В Китае был дважды: первый раз с поездкой по стране, а второй — целый месяц в Пекине, с работой в проектной организации. В США — пребывание в течение месяца, наверное, в самой интересной части страны — Нью-Джерси и окрестных штатах; тут уж дело дошло и до акварелей. В Непале — месяц, и тоже с разъездами по королевству; встречи с выпускниками нашего факультета, которые весьма успешно там работают. К Гималаям приближался только на расстояние 35 километров, но, поверьте, и этого достаточно, чтобы понять величие крыши Мира. Ну, а во Франции — Ницца, ее окрестности и, конечно же, Монако. Я проходил по столице этого княжества целый день, площадь-то всего полтора квадратных километра. Но по насыщенности интересными объектами, мифологической легендар-

Творчество Галины Александровны, внучки Светланы и мое к Пасхе 2006 г.

ности места, нескучности реализованных архитекторами, скульпторами и художниками решений в полной мере почувствовал, что нахожусь в столице европейского государства. Но самое, пожалуй, главное, что дают путешествия, — это наглядное представление о том удивительном разнообразии, в котором живет человек и которое, как величайшую ценность, желательно сохранить.

М.: Должен ли журнал пытаться, кроме чисто профессиональных целей, ставить параллельно задачи воспитательного характера?

С. А.: Нет, ваш журнал я представляю как очень серьезное издание, для серьезных и солидных людей, которых уже не то чтобы поздно воспитывать, а просто ни к чему — у них и так все хорошо. Скорее всего, они будут читать что-то такое, примеряя на себя. И очень неплохо будет, если, прочитав, они почувствуют, что они вовсе не такие уж плохие, как им об этом постоянно и, как им кажется, совершенно необоснованно говорят их жены.

М.: Как Вы относитесь к наставничеству?

С. А.: Я не считаю, что у меня есть основания кого-то наставлять, да еще публично. Очень много в жизни происходило такого, в том числе и по моей вине, чего не хотелось бы иметь или о чем я сожалею. Но никогда я не старался в своих бедах и проблемах кого-то обвинить, хотя встречались на жизненном пути люди, которые, на мой взгляд, отнеслись ко мне не всегда справедливо и честно. Но и тогда я винил, что бы ни случилось, прежде всего самого себя. Я должен был предвидеть развитие событий и заранее предпринять какие-то действия, но не сделал этого. Кроме того, все воспринимаю относительно: что бы ни произошло, ведь может быть и еще хуже. Это, наверное, позволяет спокойнее воспринимать какие-то тяготы и проблемы.

М.: Назовите человеческие качества, которые у Вас вызывают особое уважение?

С. А.: Что касается заслуживающих внимания и уважения человеческих качеств, то очень ценю в людях точность, хотя сам весьма грешен в этом отношении.

Сейчас точность в делах, обязательность, ответственность очень важны. Я и студентам об этом прямо говорю: старайтесь дело, которое вам поручили или за которое вы сами взялись, делать в срок. Потому что проект, который вы сделали не сегодня, как должны были, а завтра, может оказаться уже ненужным. При этом я честно признаюсь, что и у меня не всегда это получается, но я к этому постоянно стремлюсь. Полагаю, что такие качества, как обязательность в делах и взаимоотношениях, очень важны в наше время. Это меня очень заботит, так как очень большой процент студентов — до 50, проекты по основной дисциплине — архитектурному проектированию подают с опозданием.

Очень приветствую чувство юмора. Возьмите лучшие произведения литературы, кинематографии, театра — успех всегда там, где трагическое

соседствует с юмором. Но ведь так и в жизни. Как бы плохо ни приходилось, необходимо найти место хотя бы ироническому, пошутить над самим собой, потому что, я уже говорил, все относительно. И тогда трагическое может показаться вовсе не таким уж безысходным. А вот безудержный, рвущийся ежедневно с экрана телевизора, как бы даже соревновательный юмор скоморохов, не воспринимаю.

М.: А вредные привычки?

С. А.: К заслуживающим внимания привычкам, но со знаком минус, отношу склонность к курению. И это со мной случалось, где-то классах в 9–10-х — эдакое приобщение к взрослости. Но как-то быстро понял, что это поверхностное. Воспринимаю курение как неумение человека самоорганизоваться для выполнения каких-то дел, поручений, обязанностей и т. д., да и просто к работе. Ему нужен дополнительный стимул, хотя бы в виде никотина. Но, как я понимаю, если работа выполняется без внешнего стимулирования, а человеком осознанно, то есть он сам может себя настроить, то любое дело выполняется эффективнее и с лучшей результативностью. Кроме того, курилки, а это, как правило, туалеты в наших зданиях, — вот уж источник стимулирования!

М.: Сергей Алексеевич, спасибо Вам за интересную беседу! Редакция желает Вам нескончаемого энтузиазма, творческих успехов и свершений!

С.А.: Спасибо Вам!

